

УДК 378

Дінәсілов О. Ә., тәуелсіз зерттеуші, жеке қаржы оқытушысы, экономист.

Динасилов О. А., независимый исследователь, преподаватель личных финансов, экономист.

Dinassilov O. A., independent researcher, lecturer of personal finance, economist.
orken.73@mail.ru

БІРЕГЕЙЛІК ҚАРЖЫЛЫҚ МІНЕЗ-ҚҰЛЫҚТЫҢ ОНТОЛОГИЯЛЫҚ ШАРТЫ РЕТІНДЕ: ЖЕКЕ ҚАРЖЫЛЫҚ ЖОСПАР БІРЕГЕЙЛІК ҚҰРЫЛЫМЫН ОБЪЕКТИВТЕНДІРУ ҚҰРАЛЫ

Андатпа

Мақалада қаржылық сауаттылық пен нақты экономикалық мінез-құлық арасындағы алшақтық феномені зерттеледі. Қаржылық шешім техникалық таңдау емес, субъектінің бірегейлік құрылымына негізделген өзін-өзі сәйкестендіру актісі болып табылады деген болжам алға тартылады. М. Вебер, Л. Витгенштейн, Л. С. Выготский, И. Кант, Дж. Г. Мид және Г. Фрегенің идеяларына сүйене отырып, субъектінің құрылымында уақыт пен себептілік категориялары болмаған жағдайда болашақ туралы ақпарат операцияналдық білімге айналмайтыны дәлелденеді. Жеке қаржылық жоспар (ЖҚЖ) субъектіге мағыналарды объективтендіруге және сыртқы қысым жағдайында уақыт өте келе «Мен» тұтастығын сақтауға мүмкіндік беретін бірегейлікті объективтендіру құралы ретінде түсіндіріледі.

Түйін сөздер: қаржылық мінез-құлық, бірегейлік, жеке қаржылық жоспар, интериоризация, тілдік ойындар, трансцендентальды синтез, автономия.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЛИЧНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ПЛАН КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЪЕКТИВАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация

В статье исследуется разрыв между финансовой грамотностью и реальным экономическим поведением. Выдвигается гипотеза, что финансовое решение — это не технический выбор, а акт самоотождествления, укорененный в структуре идентичности субъекта. Опираясь на идеи М. Вебера, Л. Витгенштейна, Л. С. Выготского, И. Канта, Дж. Г. Мида и Г. Фреге, автор обосновывает, что информация о будущем не становится операциональным знанием, если в когнитивной структуре субъекта не сформированы категории времени и причинности. Личный финансовый план (ЛФП) интерпретируется как инструмент объективации идентичности, позволяющий человеку закрепить субъективные смыслы и сохранять целостность своего «Я» во времени вопреки внешнему давлению.

Ключевые слова: финансовое поведение, идентичность, личный финансовый план (ЛФП), интериоризация, языковые игры, трансцендентальный синтез, автономия.

IDENTITY AS AN ONTOLOGICAL CONDITION OF FINANCIAL BEHAVIOR: PERSONAL FINANCIAL PLAN AS A TOOL FOR IDENTITY OBJECTIFICATION

Abstract

The article examines the gap between financial literacy and actual economic behavior. It proposes a hypothesis that a financial decision is not a technical choice but an act of self-identification rooted in the subject's identity. Drawing on the ideas of M. Weber, L. Wittgenstein, L. Vygotsky, I. Kant, J.G.

Mead, and G. Frege, the author substantiates that information about the future does not become operational knowledge if the categories of time and causality are not formed within the subject's cognitive structure. A personal financial plan (PFP) is interpreted as a tool for identity objectification through which the individual fixes meanings and maintains the integrity of the "Self" over time despite external pressure.

Keywords: financial behavior, identity, personal financial plan (PFP), interiorization, language games, transcendental synthesis, autonomy.

Введение

Современные исследования финансового поведения фиксируют устойчивый разрыв между уровнем знаний индивидов и качеством принимаемых ими решений. Несмотря на расширение образовательных программ и упрощение доступа к инвестициям, значительная часть населения сохраняет практики, снижающие долгосрочную финансовую устойчивость [11].

Показательно, что такой разрыв наблюдается и в профессиональной среде, где высокий уровень компетенций не гарантирует применения признаваемых стратегий на практике. Этот феномен обнаруживает ограниченность «информационной модели» в объяснении финансовых решений: количественное наращивание знаний не является достаточным основанием для изменения поведения. Возникает вопрос: при каких условиях внешняя информация становится значимой и влияет на выбор?

В статье выдвигается гипотеза, что финансовое решение — это не только экономический выбор, но и когнитивный акт, укорененный в идентичности. Под идентичностью здесь понимается внутренняя организация субъекта, определяющая способы восприятия и интерпретации реальности. Именно она задает границы, в которых человек способен проектировать себя во времени и воспринимать будущие состояния как достижимые или невозможные.

Цель исследования состоит в анализе финансового поведения на уровне условий, при которых информация становится основанием для действия. Личный финансовый план (ЛФП) трактуется как эпистемический проект, обеспечивающий объективацию смыслов и непрерывность «Я» во времени через согласованность принимаемых решений.

I. Финансовые решения как эпистемологическая проблема

В классической экономической теории субъект представлен как homo economicus — идеализированный рациональный агент, чья информированность автоматически ведет к максимизации полезности. Однако эмпирические данные опровергают это допущение. Исследования А. Лусарди и О. Митчелл показывают, что даже индивиды успешно усвоившие базовые понятия (сложный процент, инфляцию, диверсификацию), часто не применяют их на практике [11].

В рамках выдвигаемой гипотезы, причина этого разрыва видится в фундаментальной антропологической особенности: для человека собственное бытие является предметом осмысления и интерпретации. В этой перспективе обнаруживается классическая идея о единстве познания и бытия: эпистемология неотделима от идентичности. Субъект действует, исходя из того, как он понимает себя, окружающий мир и свое положение в нем. Чтобы осознать себя

как «Я», человек должен обладать категориями времени и причинности, позволяющими соотнести настоящее с будущим [7]. С другой стороны, познание требует «точки сборки» — устойчивой идентичности, которая делает информацию значимой.

Следовательно, всякое осмысленное действие — это акт самоотождествления; финансовое решение является частным, но аналитически наблюдаемым и значимым в жизни субъекта случаем. Если в структуре субъекта отсутствует связь между текущим «Я» и его состоянием через десятилетия, информация о важности долгосрочных накоплений не влияет на выбор. Способность не просто «знать о сложном проценте», но и действовать на основе этого знания, требует целостной идентичности, в которой будущее признается реальным продолжением «Я» во времени.

II. Ограниченность поведенческих моделей финансового решения

Ограниченность теории рационального выбора в экономической науке привела к становлению поведенческой экономики. Здесь ключевую роль сыграли Д. Канеман и А. Тверски, разработавшие теорию перспектив и выявившие системные отклонения от рациональности [6, 12]. Позже Р. Талер и К. Санстейн предложили концепцию «подталкивания» [9]. В ней психологические выводы трансформировались в прикладную технологию — архитектуру выбора, направляющую человека к эффективным решениям без прямого принуждения. Однако аналитическая рамка поведенческой экономики унаследовала допущение классической теории: в ней субъект по-прежнему является онтологически завершённой единицей. Фокусируясь на «симптоматике» когнитивных ошибок, такой подход игнорирует само основание, которое их порождает.

Справедливо отметить, что сам Д. Канеман в поздних работах и публичных выступлениях уточнял: речь идёт не столько об иррациональном выборе, сколько о выборе дорациональном. Под этим понимается действие автоматических систем восприятия (Система 1), которые срабатывают до включения рефлексивного анализа. Однако подобное уточнение лишь усиливает рассматриваемую проблему. Если финансовый акт совершается преимущественно на дорациональном уровне, то он определяется не только особенностями обработки информации, но и состоянием самой внутренней структуры субъекта, которая могла бы организовывать опыт и придавать ему устойчивую направленность.

В условиях высокой плотности внешних стимулов и дефицита внутренней связности поведение агента характеризуется повышенной реактивностью. Индивид выступает скорее проводником аффективных импульсов, чем центром стратегического выбора. В такой системе импульсивные реакции — это не когнитивный сбой, а релевантный способ компенсации пробелов в структуре идентичности. Субъект «доставляет» внутреннюю целостность через присвоение внешних признаков, пытаясь восстановить связность «Я» доступными средствами. Здесь обнаруживается классическая логическая ошибка — *petitio principii* (предвосхищение основания): теории выбора постулируют

наличие автономного субъекта там, где его структура еще только должна быть сформирована. То, что классифицируется как «ошибка», является закономерным следствием отсутствия внутренних условий возможности действия.

III. Язык как пространство различий и условие финансового мышления

Традиционно язык воспринимается как средство выражения мыслей, тогда как сама мысль становится возможной внутри языка. Смысл и слово неразделимы. Как отмечал Л. С. Выготский, исследовать мышление и речь как автономные элементы — все равно что изучать свойства воды, разложив ее на водород и кислород: по отдельности эти газы не объясняют качеств целого [5, с. 13]. Слово без смысла — пустой звук, и не имеет прагматической силы. У Выготского «Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то...» [5, с. 304], то есть мысль — это внутреннее действие, опосредованное системой знаков, где слово выступает не просто символом, а смысловым объектом [4, 5].

Согласно Л. Витгенштейну, границы языка определяют границы мира. Мир есть всё то, что имеет место; о чём невозможно говорить, о том следует молчать [2]. То, для чего у человека нет языковых различий, не может стать основанием для действий. В его логике мир состоит не из «вещей», а из «фактов» [2, с. 14–17], которые обретают значимость, будучи вплетены в определённую «форму жизни» по правилам «языковых игр» [3]. Различие здесь принципиально: «вещь» сама по себе нейтральна, тогда как «факт» наделён смыслом. «Сто долларов» — это вещь, но сто долларов как «ставка в игре» или как «последний резерв» — это факты из разных жизненных миров, диктующие разную логику оперирования ресурсом.

В этой перспективе язык выступает системой категорий, организующей опыт. Финансовое мышление предполагает способность воспринимать отложенные последствия как актуальную реальность. При отсутствии категорий времени и связности «Я» текущие желания неизбежно доминируют над долгосрочными обязательствами — возникает эффект гиперболического дисконтирования будущего [6, с. 358], и субъект оказывается предельно восприимчив к сиюминутным стимулам. Напротив, при наполнении категорий должными смыслами система восприятия перестает распознавать рекламный шум как релевантные сигналы. Таким образом, избирательность финансового поведения обеспечивается не волевым подавлением импульсов, а категориальной структурой языка, определяющей границы значимого.

IV. Формирование субъекта: интериоризация и условия опыта

Генезис системы различий, задаваемых языком, осуществляется посредством механизма интериоризации. Согласно концепции Л. С. Выготского, высшие психические функции первоначально возникают как формы социального взаимодействия и лишь затем преобразуются во внутренние способы организации опыта. Развитие мышления в этой логике представляет собой не линейное накопление информации, а качественное изменение системы

обобщений — от синкретических образований к комплексам и далее к понятийному мышлению [4; 5].

Выготский иллюстрирует это на примере перехода от восприятия частных объектов («стол», «стул») к категории высшего порядка — «мебель». Это новое понятие не просто суммирует предметы, а задает иную логику оперирования ими [5, с. 182], позволяя видеть систему там, где раньше был лишь набор вещей. Таким образом, мышление эволюционирует не за счет количественного наращивания ассоциативных связей, а через качественные новообразования в интерпретации среды. Точно также, в отсутствие аналогично интериоризированного понятия «капитал», категории «доход» и «расход» остаются лишь «столами и стульями» финансового быта, которые невозможно организовать в единый проект.

Концепция Дж. Г. Мида раскрывает социальное измерение этого процесса через взаимодействие субъективной инициативы (I) и интериоризированной перспективы «обобщенного другого» (Me) [8, с. 225]. Для финансового поведения критично, что инстанция Me не является априорно рациональной: если среда транслирует ценности демонстративного потребления, она принуждает субъект к имитации успеха, разрушающей финансовое будущее. В такой конфигурации импульсивные акты (I) становятся естественным способом утверждения идентичности, не имеющей внутренних опор.

Преодоление этой зависимости требует качественной трансформации инстанции Me: будущее должно перестать быть абстракцией и обрести статус актуального измерения идентичности. Это происходит через интериоризацию новых социальных ролей (например, «стратега» или «хранителя семейного благополучия»), где ответственность перед «собой-будущим» выступает не внешним ограничением, а способом сохранения целостности «Я». В такой логике финансовая дисциплина перестает быть актом волевого насилия над собой, превращаясь в органичный процесс реализации смыслов, закрепленных в структуре личности.

V. Трансцендентальный анализ и ЛФП как объективация смысловых структур

Гносеологическое обоснование зависимости опыта от внутренней организации субъекта предложено в трансцендентальной философии И. Канта [7]. В его анализе явления доступны нам лишь в формах, обусловленных структурой познания. Чувственные впечатления еще не образуют знания: они должны быть упорядочены посредством априорных форм созерцания и категорий рассудка. Процесс познания разворачивается как последовательность операций синтеза: схватывание, воспроизведение и узнавание в понятии [7, с. 138–141]. Принципиально, что «иллюзия знания» может возникать уже на первых двух стадиях: данные схвачены и воспроизводятся в памяти, но без акта категориального различения они еще не стали подлинным знанием.

В финансовой сфере это означает, что информация может заинтересовать субъекта, и он может даже воспроизводить её, однако без категориального синтеза эти сведения остаются внешней надстройкой. Ошибки в интерпретации

экономических событий зачастую связаны с некорректным применением категорий: дискретные эпизоды воспринимаются как изолированные факты, возможное принимается за действительное, а случайные совпадения — за причинную связь.

Для понимания того, как эта определенность становится внутренним мотивом, необходимо обратиться к смысловому анализу идентичности. Ключевым здесь видится семантический треугольник Г. Фреге [10]. В этой модели знак соотносится с объектом не напрямую, а через смысл — способ, которым этот объект дан мышлению (*Art des Gegebenseins*) [10, с. 230]. Это позволяет утверждать, что финансовое поведение детерминировано смысловой конфигурацией идентичности. Как знаки «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» имеют разный смысл при одном значении [10, с. 232], так и категории «сбережение сегодня» и «благополучие завтра» остаются для человека разобщенными до тех пор, пока не совершен акт синтеза, устанавливающий их тождество в структуре идентичности.

Субъект может определять себя через различные элементы идентичности: «Я — свободный человек» или «Я — родитель». Их регулятивная сила зависит от смыслового наполнения. Утверждение «Я — свободный человек» может пониматься как вседозволенность, что ведет к реактивным тратам как способу подтверждения своей независимости. В ином ключе свобода осмысляется как ответственный выбор — способность следовать собственному жизненному проекту.

Аналогично, элемент «Я — родитель» обретает действенность через смысл гаранта будущего и безопасности. В этом случае финансовая цель, допустим, накопление капитала на образование, перестает быть внешним принуждением; она становится способом существования идентичности.

В этой логике каждым финансовым актом — покупкой или осознанным воздержанием от неё мы что-то сообщаем о себе миру — в терминах М. Вебера такой акт приобретает статус социального действия [1, с. 67–68]. Согласно Веберу, действие (включая воздержание и претерпевание) является таковым в той мере, в какой индивид связывает с ним субъективный смысл. Когда финансовые цели согласованы с смысловой структурой личности, они становятся по-настоящему значимыми. Таким образом, личный финансовый план (ЛФП) выступает не просто таблицей данных, а эпистемическим проектом, в котором эти смыслы объективируются. ЛФП становится прикладным инструментом, позволяющим человеку закрепить свою целостность во времени и превратить абстрактные намерения в устойчивый принцип поведения.

Заключение

Проведённый анализ позволяет интерпретировать финансовое поведение как функцию структуры идентичности субъекта. Устойчивость стратегий определяется не столько объёмом знаний, сколько качеством внутренней организации личности, превращающей информацию в принцип действия. Импульсивные реакции на рыночные стимулы предстают в этой логике не как когнитивные ошибки, а как способ онтологической компенсации смысловых

дефицитов. Структурированная идентичность обеспечивает фильтрацию внешней информации на доперцептивном уровне, избавляя субъекта от необходимости в постоянном волевом контроле.

В этом контексте личный финансовый план (ЛФП) выступает не только техническим расчётом, но и средством объективации смыслов и реализации автономии. Такой подход требует пересмотра стратегий профессионального консультирования и академического преподавания: финансовая грамотность в школах и вузах должна быть выведена за рамки инструментальной логики и помещена в более широкую антропологическую рамку как способ проектирования жизненного пути.

Переосмысление образа рационального агента позволяет увидеть в нём не абстрактного максимизатора полезности, а зрелого субъекта, способного соотносить настоящее с долгосрочным проектом своего бытия. Становление такой автономии превращает индивида в истинного *homo economicus* — устойчивую единицу здоровой экономики, где финансовое планирование становится практическим выражением смысловой целостности и личной ответственности.

Декларация об использовании ИИ

При работе над статьей для стилистического редактирования и технической обработки текста были использованы ИИ ChatGPT и Gemini (Google). Все концептуальные идеи и выводы принадлежат автору.

Библиографический список / Эдебиеггер тізімі

1. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. I. Социология / М. Вебер; пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 448 с.
2. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн; пер. с нем. И. Добронравова, Д. Лахути. – Москва: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой. – Москва: Гнозис, 1994. – С. 75–319.
4. Выготский, Л. С. Вопросы детской психологии / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург: Союз, 2004. – 224 с.
5. Выготский, Л. С. Мышление и речь. – 5-е изд., испр. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с.
6. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман; пер. с англ. А. Андреева. – Москва: АСТ, 2014. – 656 с.
7. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского. – Москва: Эксмо, 2015. – 736 с.
8. Мид, Дж. Г. Разум, Я и общество / Дж. Г. Мид. – Москва: Канон-Пресс, 2007. – 416 с.
9. Талер, Р. Nudge. Архитектура выбора / Р. Талер, К. Санстейн; пер. с англ. Е. Петровой. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 336 с.
10. Фреге, Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: сб. трудов / Г. Фреге; пер. с нем. Б. В. Бирюкова. – Москва: Аспект Пресс, 2000. – С. 230–246.
11. Lusardi, A. The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence / A. Lusardi, O. S. Mitchell // Journal of Economic Literature. – 2014. – Vol. 52, No. 1. – P. 5–44.
12. Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk / A. Tversky, D. Kahneman // Econometrica. – 1979. – Vol. 47, No. 2. – P. 263–291.

References (Transliterated)

1. Veber, M. Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii: v 4 t. T. I. Sociologiya / M. Veber; per. s nem. pod red. L. G. Ionina. – Moskva: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2016. – 448 s.
2. Vitgenshtejn, L. Logiko-filosofskij traktat / L. Vitgenshtejn; per. s nem. I. Dobronravova, D. Lahuti. – Moskva: Kanon + ROOI «Reabilitaciya», 2017. – 288 s.
3. Vitgenshtejn, L. Filosofskie issledovaniya // Filosofskie raboty. Ch. I / L. Vitgenshtejn; per. s nem. M. S. Kozlovoj. – Moskva: Gnozis, 1994. – S. 75–319.
4. Vygotskij, L. S. Voprosy detskoj psihologii / L. S. Vygotskij. – Sankt-Peterburg: Soyuz, 2004. – 224 s.
5. Vygotskij, L. S. Myshlenie i rech. – 5-e izd., ispr. – Moskva: Labirint, 1999. – 352 s.
6. Kaneman, D. Dumaj medlenno... reshaj bystro / D. Kaneman; per. s angl. A. Andreeva. – Moskva: AST, 2014. – 656 s.
7. Kant, I. Kritika chistogo razuma / I. Kant; per. s nem. N. Losskogo. – Moskva: Eksmo, 2015. – 736 s.
8. Mid, Dzh. G. Razum, Ya i obshchestvo / Dzh. G. Mid. – Moskva: Kanon-Press, 2007. – 416 s.
9. Taler, R. Nudge. Arhitektura vybora / R. Taler, K. Sanstejn; per. s angl. E. Petrovoj. – Moskva: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. – 336 s.
10. Frege, G. O smysle i znachenii // Logika i logicheskaya semantika: sb. trudov / G. Frege; per. s nem. B. V. Biryukova. – Moskva: Aspekt Press, 2000. – S. 230–246.
11. Lusardi, A. The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence / A. Lusardi, O. S. Mitchell // Journal of Economic Literature. – 2014. – Vol. 52, No. 1. – P. 5–44.
12. Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk / A. Tversky, D. Kahneman // Econometrica. – 1979. – Vol. 47, No. 2. – P. 263–291.